

**Линев Дмитрий Александрович**

**По этапу (Бронзовое дело)**

**Рассказ из тюремного быта**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
Д53

Д53      **Дмитрий Александрович Л.**  
По этапу (Бронзовое дело): Рассказ из тюремного быта / Линев Дмитрий Александрович –  
М.: Книга по Требованию, 2023. – 189 с.

**ISBN 978-5-519-93503-6**

**ISBN 978-5-519-93503-6**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## ПО ЭТАПУ.

---

**И**ѣлый рядъ мытарствъ по полицейскимъ домамъ, пересыльнымъ и городскимъ тюрьмамъ, секретнымъ и несекретнымъ отдѣленіямъ, канцеляріямъ и управленіямъ—уже давно былъ пройденъ. „Дѣло“, послѣ полутора-голичнаго производства у слѣдователя, уже побывало и у прокурора суда, и у прокурора палаты, и въ самой палатѣ. Со дня на день ожидался вызовъ въ судъ для полученія копіи съ обвинительнаго акта. И вдругъ... „готовьтесь къ этапу!...“

— Къ какому этапу? Куда? Зачѣмъ? На какомъ основаніи? Вы же знаете, что я числюсь за здѣшной судебной палатой!

— Знаю; но это нисколько не помѣшаетъ вамъ отправиться въ К., къ одному изъ тамошнихъ слѣдователей.

— Какъ въ К.! воскликнулъ я внѣ себя отъ изумленія. — Да я не только въ К., но и въ губерніи то въ К-ской, никогда не былъ, никого тамъ не знаю и, стало быть, никакихъ дѣлъ у меня тамъ и быть не можетъ!

— А ужъ это г. Красницкій, не наше дѣло, — равнодушно отвѣтилъ мнѣ помощникъ смотрителя; — мы получили предписаніе и обязаны васъ отправить. Сегодня, кажется, прокуроръ заглянетъ, такъ можете ему заявить.

Но прокуроръ не заглянулъ; письменное мое заявленіе къ нему врядъ ли и было отправлено въ тотъ день; а на другой — я уже шествовалъ въ „партіи“, по направленію къ вокзалу желѣзной дороги.

Вмѣсто ожидаемаго суда — этапная прогулка чуть ли не въ двѣ тысячи верстъ, съ неизбежными остановками въ централь-ныхъ пересыльных тюрьмахъ, съ длиннымъ рядомъ унизительныхъ церемоній, обысковъ, осмотровъ, съ постоянными напоминаніями о ружейномъ прикладѣ, штыкѣ, кандалахъ... Еще одна „предварительная“ позорная выставка!...

Я видѣлъ одну изъ тѣхъ картинъ чловѣческаго несчастья, которыя вызываютъ слезы изъ глазъ самыхъ черствыхъ, никогда не знавшихъ состраданія натуръ, заставляютъ испытывать жгучую, нравственную боль самыхъ равнодушныхъ людей.

Я видѣлъ какъ придавливались и жестоко калѣчились наиболѣе святыя и дорогія чловѣческія чувства, какъ безжалостно разбивалось существованіе сотни семей...

Я видѣлъ какъ дѣти—становились сиротами, жены—вдовами, старики и старухи—безпомощными...

Словомъ, на моихъ глазахъ происходило послѣднее прощанье; прощанье *навсегда*, однихъ—съ родиной, семьей, чловѣческими правами, другихъ—съ отцами, мужьями, сыновьями, матерями, женами и дочерьми, съ своими поильцами и кормильцами. Еще двадцать-тридцать минутъ—и поѣздъ желѣзной дороги уносилъ арестанскую „партію“, почти третью часть которой составляли

„кандальщики“, т. е., тѣ несчастныя жертвы невѣжества, бѣдности и страсти, расчеты которыхъ съ земнымъ правосудіемъ уже были покончены и которыя были безвозвратно обречены на каторгу, вѣчное сибирское поселеніе, на вѣчное безправіе и страданія. Страшно выговорить, но среди этихъ обоюдо пола живыхъ мертвецовъ, рядомъ съ молодыми и старыми, здоровыми и дряхлыми, находилось нѣсколько и такихъ, навсегда выброшенныхъ изъ общества гражданъ, которымъ едва-ли минуло отъ роду 16—17 лѣтъ <sup>1)</sup>!.. Физіономіи чисторусскія перемѣшивались тутъ съ чухонскими, еврейскими, татарскими и цыганскими. На всемъ—печать рѣзкаго отличія отъ прочихъ, болѣе счастливыхъ членовъ „партіи“ — обыкновенныхъ „пересыльных“. Вмѣсто чего-либо собственнаго изъ платья—полные казенные „комплекты“, вмѣсто „наручниковъ“ <sup>2)</sup>—кандалы. Головы у боль-

---

<sup>1)</sup> Согласно 139 статьи Уложенія о наказаніяхъ, несовершеннолѣтніе, имѣющіе отъ роду болѣе *четырнадцати* лѣтъ, могутъ быть приговариваемы какъ къ ссылкѣ въ Сибирь, съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, такъ и къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ.

<sup>2)</sup> Два соединенные короткой цѣпочкой, желѣзные, раздвигающіеся

шинства на половину выбриты. На лицахъ — неизгладимые слѣды долгаго тюремнаго заключенія, многолѣтнихъ страданій. А кругомъ — страшный, душу раздирающій концертъ плача, воя, безсильныхъ проклятій и угрозъ...

Слезы блестѣли на глазахъ самыхъ „бывалыхъ“, а стало быть и видавшихъ всякіе виды арестантовъ, катились по щекамъ и нѣкоторыхъ конвойныхъ. Не только хохотъ или улыбка, но даже просто обыкновенное, безмолвное равнодушіе, въ виду столь грандіознаго горя, казалось чѣмъ-то въ высшей степени святотатственнымъ, способнымъ возмутить до глубины души.

Между тѣмъ, именно такое чувство и вызывалось сценой, происходившей подъ тѣмъ-же багажнымъ навѣсомъ, — правда, нѣсколько въ сторонѣ отъ „партіи“; — сценой, очевидно, также представлявшей „последнее прощанье“. Прощалась арестантка, слѣдовавшая за „партіей“, до вокзала въ

---

для пропуска руки, обруча, съ двумя дырками на каждомъ, для замка. Надѣваются они и на одного арестанта и на двухъ. Въ последнемъ случаѣ, одинъ обручъ надѣвается на правую руку одного, другой — на лѣвую руку другого арестанта.

вольнонаемной каретѣ. Стройная, красивая, шикарно-одѣтая тридцати-лѣтняя женщина, въ рінсе-пез, съ какой-то изящной книжечкой въ одной рукѣ и папиросой въ другой, напоминавшая собою скорѣе модную филантропку, явившуюся „показаться“ несчастнымъ, чѣмъ одну изъ этихъ несчастныхъ, — она вела себя самымъ возмутительнымъ образомъ. Для нея, повидимому, какъ-бы вовсе не существовало не только происходившаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, но и собственнаго положенія и даже горя провожавшихъ ея близкихъ — молодого человѣка въ пледѣ и обливавшихся слезами двухъ молодыхъ женщинъ, и бѣдно одѣтой старушки. Все ея существо дышало только безпечностью и невозмутимою веселостью. Вниманіе ея принадлежало исключительно окружававшему ее „начальству“: — тюремному смотрителю, наблюдавшему за отправкой „партіи“, штабъ-офицеру мѣстныхъ войскъ и хорошо извѣстному арестантамъ своей грубостью и рѣдкимъ безсердечіемъ конвойному начальнику — выслужившемуся поручику. Доносившійся изъ этой группы громкій хо-

хоть и, въ особенности, почти безрерывное гоготаніе поручика—дѣйствовали донельзя раздражающе.

— Ишь, подлые, какъ заржали!—не вытерпѣлъ одинъ изъ ближайшихъ отъ меня арестантовъ.—Тутъ душу твою всю ворочаетъ, а они—на-ко-ся! Хоть-бы съ глазъ-то черти ушли... Нехристи!..

Но, вотъ, подали вагоны, и одинъ изъ „нехристей“ — конвойный начальникъ поспѣшилъ командовать: „Кончить прощанье!“

Страшный, словно вырвавшійся изъ одной могучей груди—воплъ огласилъ воздухъ. Множество рукъ крѣпко обвили въ округъ арестантскихъ шей и, несмотря на крики и толчки старшаго унтеръ-офицера, не разжимались. Конвойнымъ пришлось просто отрывать ихъ, оттаскивать и спихивать съ мостковъ. Наконецъ, кое-какъ, „партію“ удалось построить въ два ряда. Послѣдовалъ счетъ арестантовъ, раздѣленіе „партіи“ на три части по числу поданныхъ вагоновъ, и по платформѣ пронеслась новая команда: „маршъ по вагонамъ! Кандальщики впередъ! въ первый вагонъ!“

„Партія“ тронулась съ мѣста. Подъ убійственную музыку кандаловъ и цѣпей арестанты, въ послѣдній разъ, уже на ходу, обнажили свои бритыя и не бритыя головы; сотня рукъ принялась усердно осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ; изъ устъ вырвалось, наконецъ, послѣднее: „прощайте, прощайте!“ на которое отвѣтилъ ужасный общій вой стоявшихъ въ отдаленіи кровныхъ и близкихъ, и „партія“, мало по малу, скрылась въ вагоны.

---

## II.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ все находившееся и происходившее въ вагонѣ, представлялось мнѣ какъ-бы въ туманѣ. Цѣлый рой самыхъ безотрадныхъ мыслей, навѣянныхъ только что видѣнной, еще первый разъ въ жизни, картиной, дѣлалъ меня рѣшительно неспособнымъ не только слѣдить за окружающимъ, но и сколько-нибудь ясно сознать его. Я ушелъ было въ себя... Къ счастью, я былъ не въ одиночной камерѣ, гдѣ такое настроеніе, разъ овладѣвъ заключеннымъ, цѣлые дни не оставляетъ его, заставляя безконечно копаться въ своихъ свѣжихъ ранахъ и испытывать страшную нравственную боль, а среди людей, рядомъ съ моими нѣсколькими, крайне словоохотливыми, товарищами по „благородной“ камерѣ.

Тутъ были: и джентельменъ Граховскій <sup>1)</sup>, не перестававшій возмущаться дѣйстви-тельно возмутительной сценой издѣватель-ства надъ нимъ конвойнаго начальника, имѣвшей мѣсто при приѣмѣ послѣднимъ „партій“, и юный, женоподобный, неиз-мѣнно безпечный Вягинъ, тщетно старав-шійся его успокоить, и слѣдующій „для водворенія“ ех-семинаристъ, и веселый купчикъ, пересылавшійся „по этапу“, по требованію „тятеньки“... Всѣ они вовсе не расположены были удовлетворяться моими машинальными отвѣтами на непрерывныя обращенія ко мнѣ, въ особенности Гра-ховскій, крайне возбужденное состояніе котораго имѣло своей причиной еще и коньякъ, контрабандно добытый и выпитый въ тюрьмѣ на прощаньи съ товарищами. Меня, положительно, *заставили* отрѣшиться отъ сосредоточеннаго состоянія и, мало по малу, интересъ, возбуждавшійся новизной положенія, столь новыми для меня „этап-ными“ порядками и взаимными отноше-

---

<sup>1)</sup> „Дѣло“ и біографія этого лица, какъ равно и его товарища Вягина — нашли себѣ описаніе въ книгѣ: „Въ пересыльной тюрьмѣ“.